

НИК М

До
ПОСЛЕДНЕЙ
МИНУТЫ

Nik M

До последней минуты

<https://litres.ru/74697037>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет после чумы. Истории людей, которых больше нет, собираются воедино. Письма, попутчики, исповеди, воспоминания — так хроника обрастает главами. Доктор настоящий, доктор, скрывшийся под маской летом сорок девятого. Все те, кто попал в паутину. Это попытка написать их живыми — мёртвыми они и так останутся.

Содержание

Глава Первая. Письмо	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Nik M

До последней минуты

Глава Первая. Письмо

Моё долгое путешествие началось спустя пять лет после событий 1349 года.

Зима 1354-го. Война всё набирала свои обороты, и я не мог помыслить о том, чтобы отправиться во Францию и начать эту хронику, пока не наткнулся на письмо некоего Ш. Гутьера.

Я нашёл его случайно — в бумагах старого знакомого, купца Джона Кобаля. В то время он был опытным шпионом. Перехватывал в основном почту, шедшую из Франции, — а Гутьер, видно, писал не только сыну: разослал просьбы по всем, кто мог бывать в Лондоне.

Письмо лежало в пыльном ящике, рядом с молитвенником, сложенное вчетверо. Прочтя его, я отчётливо почувствовал беспокойство отца за сына. За Пьера Гутьера. Того самого доктора. Истинного владельца дневника. В письме он описывал своё бессилие, свою усталость от неведения. Единственное, о чём он просил, чего хотел — узнать хоть что-нибудь о своём ребёнке.

Несколько недель я носил это письмо с собой, доставал,

читал и убирал, как убирают то, что болит, но выбросить рука не поднималась. Были причины не ехать. Война. Море. Возраст. И главное — я хорошо понимал, что везу старику не весть, а приговор. Ведь я знал главное — то единственное, чего не знал он. И этого было довольно.

Решился — и собирался ещё две недели. Собрание моё уместилось в одну суму: запас перьев, стопка бумаг, немного одежды и то самое письмо, завёрнутое в ветошь. Дорога до побережья — отдельная история. Страна жила войной долго и уже привыкла к ней. На каждом тракте — посты, на каждом посту — расспросы: кто, откуда, куда и зачем. О купце-писце, едущем во Францию по частному делу, слушали равнодушно и отпускали с миром. Один только стражник, услышав слово «Кан», помолчал и сказал: «Хороший город. Был». Что он имел в виду — спрашивать не стал.

Пролив Дуврский я перешёл в конце зимы — не один: с полдюжины торговцев да двое солдат для сопровождения. Море было скверное. Дважды мы проходили мимо обломков — мачты торчали из воды, как спицы, и никто на палубе даже не поднял головы. Пять лет назад каждый бы крестился. Теперь — привычка. Война и поветрие выучили Англию не смотреть на мёртвых. Высадился в Кале. Потом дороги, потом недели в чужих городах. Добрался до города Кан и сразу начал разыскивать Ш. Гутьера. Язык я знаю, поэтому выяснить адрес человека, который, возможно, написал это письмо, было несложно. Улица Фруад — узкие проходы, су-

мрак, холод. Я едва стукнул в дверь дома, как она отворилась. Шарль, так его звали, был мал ростом, прям, сух.

Я рассказал, зачем приехал. Он усадил меня за стол, сам сел напротив и просто молчал. Он смотрел на меня так, как смотрят на письмо, которое боятся развернуть. Он знал. Отец всегда знает раньше, чем узнают остальные. Я выложил письмо. Он спросил меня, жив ли его сын. Я ответил. Не словами. Просто покачал головой — и этого хватило.

Старик не заплакал. Он кивнул — так кивают человеку, который привёз наконец весть, пусть и последнюю, — и долго молчал, глядя в очаг. Потом рассказал мне об ожидании. Попросил рассказать всё, что знаю я.

Врать не хотелось. Грехов достаточно. Я рассказал про нож. Про то, что не знал его совсем, но уверен, что он был хорошим. Очень хорошим. Старик выслушал. А потом — заговорил. Не о смерти. О жизни.

Он говорил почти до рассвета, и я не перебивал, потому что понял: сейчас я узнаю о Пьере Гутьере то, что мог знать, если бы события развернулись по-другому.

Пьер родился в 1325 году. Единственный сын в семье. К медицине интереса не проявлял, пока отец не заболел после того, как мать кинула их ради какого-то мореплавателя и упорхнула в неизвестном направлении.

Шарль не быстро, но всё же поправился и отдал сына в учение. Семья держала лавку ремесленных товаров. Деньги водились. Мать происходила из семьи плетельщиков корзин

и была набожна так, как бывают набожны простые женщины. Каждое воскресенье — месса. Каждый пост — без исключений. Каждый вечер — молитва вслух, и сына она брала за руку и ставила рядом, пока тот не дорос до того возраста, когда от рук отнимаются. Её имени он не назвал — было ясно, что вспоминать не хочет. Я не выпрашивал, ведь знал, как её зовут.

Отец видел, что предательство матери подкосило и Пьера. Тот отрёкся от неё, но с верой не прощался и старался соблюдать обеты.

Жены у Пьера не было. Детей не было. Из женщин — одна мать, да и та бросила, как кукушка.

Университет Монпелье — престижное заведение. Учился хорошо, но не блестяще; старик усмехнулся, когда это говорил. Блестящие покидают дом и не пишут. Пьер писал. Каждое Рождество — письмо. Каждое важное событие — письмо. Дальше — Марсель, чума, попытки стать хорошим чумным доктором. В этом, по словам отца, не преуспел.

Шарль рассказывал мне, как Пьер приходил к нему. Советовался об отъезде в Англию, в Лондон. Туда, где, по слухам, болезнь успешно лечили. Сомневался, боялся, что там не получится, как и тут. Это со слов отца. Я знаю другую правду, правду со страниц дневника Пьера, из писем от неизвестного адресата, которые были вложены в дневник. Старику я не сказал. Мать Пьера была в Лондоне.

Почему он не сказал отцу? Этого уже не узнать. Возмож-

но, боялся, что тот отговорит его, не пустит. Решил молчать. Как часто дети, не желая причинять боль родителям, умалчивают горькую правду...

Кто знает, возможно, решился бы он приплыть раньше — или передумал бы вовсе, — и всё сложилось бы иначе. Но тогда мир не узнал бы о нём. О втором докторе. О том самом докторе, который принимал участие в событиях осени сорок девятого. Ловлю себя на мысли, что называю его доктором, хотя уже знаю правду...

В начале лета 1349 года Шарль, видя смятение своего сына, дал совет идти за своей мечтой. А теперь себя за это корит...

Я отказался от денег, которые мне предлагал Шарль за весть о сыне. Сказал, что делаю это для того, чтобы оставить о них истории, память, только и всего. Шарль спорить не стал. Только посмотрел на меня долгим взглядом человека, который привык считать деньги и знает, что иногда их отказ — дороже самой суммы. Впрочем, по-своему он всё же расплатился: уходя, я задержался у порога, и Шарль Гутьер произнёс фразу, которую я буду повторять себе все десять лет пути: «Вы едете описывать истории людей, которых уже нет. Постарайтесь описать их живыми. Мёртвыми они и так останутся». Уверен, что он не догадывался, чем она станет. Десять лет пути. Целая книга.

Я попытался пойти дальше — в Марсель. Не пустили: перемирие действовало, но власти были осторожны, а англи-

чанин без веской причины никому не нужен. Да и чума там сошла на нет пару лет назад.

Дорога назад в Англию показалась мне длиннее, чем дорога туда. Так всегда бывает, когда едешь уже не за чем-то, а от чего-то: от Пьера, от его старика, который теперь будет жить дальше — потому что ему наконец разрешили. Я старался записать всё, вспомнить и отдать бумаге, чтобы сохранить на годы. Удивительно, с какой лёгкостью Пьер и тот, второй, сохраняли свои мысли в дневнике. Не каждому дано.

Поиск всех историй занял у меня десять лет. Долгих. Я тогда не догадывался, что некоторые двери открою, а некоторые будут открываться сами — в самое неподходящее время. Что письмо иногда важнее камня на могиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.